

Поэтический мир Андрея Тарханова

Творчество Андрея Семеновича Тарханова русскоязычно. Он представитель кондинских манси, в отличие от сосьвинских, кондинские манси еще в начале XX века перешли на русский язык. На нем велось обучение в школе. Однако обращение к русскому языку и к русской литературе пошло А. Тарханову во благо. Он, сохранив глубокую любовь к родному краю и к своему народу, его историческому укладу жизни, в то же время с любовью обращается к русской классике.

В 1963 году выходит первая книга А. Тарханова «Первая завязь». Она была тепло встречена читателями, критиками и другими поэтами. «Хочется надеяться, что из этой хрупкой и нежной завязи вырастет могучее дерево»,¹ – писал поэт Юван Шесталов в рецензии на первый сборник своего земляка. После окончания в Москве Высших литературных курсов сценаристов и режиссеров А. Тарханов пишет киносценарий «Семь лиственниц». Также перу А. Тарханова принадлежат сказки для детей, очерки, рассказы.

Наиболее яркой чертой лирического стиля мансийского поэта, по мнению Н. Рогачевой, является обостренное чувственное восприятие жизни, напряженность ощущения природы и порожденное им стремление найти образы, адекватные такому восприятию.

---

¹ Шесталов Ю. Слово поэту. // Тарханов А. Первая завязь. Ленинград, 1963. – С. 3.

Одну из своих книг А. Тарханов назвал «Плач неба» (1996). Она, прежде всего, о земле, о той красоте земного мира, который дарован людям, самой Вселенной. Поэт не только умеет видеть красоту, он очарован ею: «В этот мир многоцветный, ей-богу, я словно ребенок влюблен». Красота вселенского мира целостна, и человек является частью этого мира. Часть не может обладать всеми качествами целого, совершенством целого. «Плач неба» по несовершенству человеческих поступков и мыслей, «все беды от несовершенства ума и сердца своего». Плач неба – вековая тоска по идеалу, по красоте и выси достойных человека. А тревога поэта, его печали и боли им добровольно, по предназначению поэта, приняты на себя словно в искупление. Леймотивом сборника является размышление А. Тарханова о назначении поэта и поэзии – вечной темы искусства. Слово поэта – «ввысь дорога» (На зов поэта в мир идет рассвет, / И для души струится ввысь дорога.) К такому слову стремится поэт Андрей Тарханов.

«Открыть мир словом – вот грань, отличающая поэта от стихотворца».² А. Тарханову свойственно видеть мир в том образном и единственном проявлении, которое сродни открытию. Поэт умеет находить слово, которое делает обыденное радостно-неожиданным. Истоки творчества поэта находятся в его народе, он берёт силы в неисчерпаемом фольклоре манси и, укрепляясь ими, доводит свой стих до оригинальной авторской формы. Ю. Мешков отмечает, что у А. Тарханова «есть такая национальность, свой удивительно

---

² Мешков Ю. На последнем берегу. Мансийская литература. // сост. Огрызко В.В. – Москва, 2003. – С. 295.

своеобразный и неповторимый взгляд на мир. Он манси. Смысл его жизни, его поэзии – любовь к родному краю, и красоте мира. Именно эта любовь является движущей силой, эмоциональным центром всех его художественных исканий».³ А. Тарханов – человек северного края, с особым менталитетом, свойственным только людям тайги. Тем не менее, его поэзия выходит далеко за рамки мансийской культуры. Сохранив глубокую и страстную любовь к родному краю и к своему народу, связь с его историческим укладом и моралью, он влюблён в русскую классику. Тарханов ведёт рассказ о таёжном крае, его природе, людях, а вместе с тем – это рассказ и обо всей нашей стране, и обо всем человечестве. Поэту удалось связать в одно целое судьбу мансийской тайги и судьбу всей планеты. Во многом совершенствованию творческого мастерства А. Тарханова способствовала русская поэтическая классика. Поэт-манси знает превосходно опыт: Пушкина, Лермонтова, Фета, Тютчева, Некрасова, Есенина. Русская классика помогла родиться музыке его художественного слова – неповторимой по своему национальному содержанию, по своеобразной поэтической интонации.

Поэзия А. Тарханова близка к живописи, по яркости и свежести красок она близка импрессионизму, вместе с тем у поэта есть стихотворения, окрашенные в трагедийные тона. Картина жизни мансийского края в поэзии А. Тарханова полна не только романтической приподнятости, но и самого жесткого реализма («Умершие деревни», «В Хулоре», «Не вернулись в селенья

---

³ Мешков Ю. На последнем берегу. Мансийская литература. // сост. Огрызко В.В. – Москва, 2003. – С. 297.

охотники...», «Ограда», «О жадности», «Дума злого духа», «Забывший идол», «Берёза и старик», «Уже утихли всех учёных споры...», «Мы всеми в юности любимы...», «Гром машин стоит окрест...»). Поэт создает неповторимый облик каждого селения, его былой славы, его своеобразия. Он бережно хранит память о родных местах детства, об отце-охотнике, научившем сына слушать и видеть мир природы, о матери-крестьянке, научившей трудолюбию и терпению. А. Тарханов посвящает свои стихотворения и конкретным историческим деятелям: «Маршал Жуков», «Утро Достоевского», «К Лермонтову», «Костер Вавилона», «Батько Махно», «Сталин», «Брежнев», «Миссия Юлиана», «Явление Нерона» и другие.

У А. Тарханова мир начинается с природы. Он не только умеет видеть красоту, он очарован ею. Рассвет и закат, лес и река радует поэта, вызывая восторженное его признание: «И в мир многоцветный, ей – богу, я словно ребенок влюблен». Поэта волнуют и «апрельские озера в синих латах» («Сомнение весны»), и месяц «пожара рябин и берез» («Мой октябрь»), и «нерассказанная даль» моря (« Я клятву дал тебе, о море...»).

Исследователи отмечают, что поэзии А. Тарханова присуще редчайшее свойство соединять простое и сложное, тысячелетнюю древность и современность, умение жить в двух временных измерениях, возвращать, казалось бы, навек канувшее событие, возвращать детскую улыбку человечества в современный тревожный и напряженный мир. Этот синтез в самом характере героя, это явление и делает поэзию А. Тарханова совершенно необычной, не похожей ни на одну другую.

Лирика А. Тарханова очень интересна и своеобразна. Несмотря на влияние поэтического опыта Пушкина, Есенина, Тютчева, Фета и других русских поэтов, в его творчестве есть что-то особенное, не похожее на других. В его стихах, с большим количеством красок природа становится одухотворённой и слитой воедино с человеком. В этом единстве природы и человека поэт находит своё вдохновение и предназначение. Поэт молод душой и полон творческих планов: «Мне часто задают вопрос: как я стал поэтом? Особого секрета нет. Всё – из детства. Родился я в маленькой таёжной деревушке, в Кондинском районе. У нашего дома росло семь священных лиственниц. Нам, детям, было строго-настрого наказано не подходить к деревьям. И мне было четыре года, когда я ослушался старших и прикоснулся к одному из деревьев. Веточки зашумели. И мне показалось, что лиственница со мной разговаривала. Рядом с деревней был и священный кедровник. Это дерево я считаю ядром природы. Оно кормит - материально, и духовно. В лесу мы часто находили боевые стрелы, черепа. Моя бабушка, Матрёна Александровна, говорила, что в этих местах верные с неверными воевали. Бабушка была удивительным человеком. Будучи манси, язычницей, она приняла христианство. И умело сочетала в себе две религии – сначала отнесёт жертвоприношение идолам, затем – молится перед иконами. Самой почитаемой у неё была икона Ильи – пророка. Потом, когда я уже стал взрослым, то решил своего сына назвать Ильёй, в память об этом. Так и вышло. Бабушка очень любила Пасху. В этот день на рассвете мужчины стреляли из ружей, как бы поторапливая восход солнца. А солнце, по словам бабушки, взойдёт и будет плясать. Я не спал,

взглядывал на небо, чтобы увидеть, когда же произойдёт это чудо. И до сих пор я в пасхальную ночь не сплю. Удивительные рождаются в эту ночь стихи, как будто кто-то нашёптывает их мне»⁴.

Андрей Тарханов – человек северного края, с особым менталитетом, свойственным только людям тайги.

---

⁴ Статья «Всё надо делать вовремя, пока не перегорело». Региональный журнал Югра. № 12, 2001 год., стр. 19